

Елизавета Дворецкая

БОГАТЫРЬ СЕНТЯБРЯ

Ростов-на-Дону

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1
КТК 6520
Д24

Художественное оформление
Льва Степаненко и Kateshi Kittano.

Дворецкая, Елизавета.
Д24 Богатырь сентября / Елизавета Дворецкая. — Ростов н/Д :
Феникс, 2026. — 347, [1] с. : ил. — (Сказы земель славянских).
ISBN 978-5-222-45441-1

«И роди богатыря мне к исходу сентября», — просил молодой царь Салтан невесту, внезапно встреченную темным зимним вечером. Князь Гвидон родился в результате нарушения трех важных святочных запретов: прясть, венчаться и делать детей. Но виной тому не легкомыслие юных родителей, а влияние сил, о которых они и понятия не имели. На следующий день после настоящего знакомства с отцом князь Гвидон проснулся на пустом острове: ни города, где он правил, ни жены, прекрасной Кикниды. Придет пора исполнить данное ей когда-то обещание: идти хоть за тридевять земель, чтобы вернуть город и Царевну Лебедь... но хочет ли она вернуться? А проводником к месту борьбы за любовь и власть послужит некая рыжая особа, которая ненавидит песенки и орешки, но нередко оставляет за собой след в виде золотой скорлупы...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1

ISBN 978-5-222-45441-1

© Текст: Елизавета Дворецкая, 2026
© Дизайн обложки: Kateshi Kittano, 2026
© Иллюстрации: Лев Степаненко, 2026
© Оформление: ООО «Феникс», 2026
© В оформлении книги использованы
иллюстрации по лицензии
Shutterstock.com

Услужу тебе советом —
Слушай: обо всем об этом
Пораздумай ты путем,
Не раскаяться б потом.

*А. С. Пушкин,
«Сказка о царе Салтане,
о сыне его славном и могучем
богатыре Гвидоне Салтановиче
и о прекрасной Царевне Лебеди»*

Глава 1

— Где-то я это уже видел... — Царь Салтан задумчиво пнул носком сапога разбитое корыто под стеной избушки.

Избушка была мала и почти выросла в землю, но на совершенно пустом, плоском морском берегу отец и сын заметили ее издалека. У воды лежала лодка, такая же маленькая и ветхая, на сушилках из жердей дрожали под ветром чиненые сети.

— Что? Избушка? — Гвидон подошел к нему и остановился, уперев руки в бока. — А черт водяной ее знает, была она здесь или нет. Могла и быть. Тут много разного народу жило...

Он глубоко вздохнул. Будет о чем вздыхать, если ты засыпаешь рядом с молодой женой, на пуховой перине, в белокаменных палатах посреди большого богатого города, а просыпаешься

на голом острове, пустом, словно блюдо из-под съеденного до крошки свадебного каравая. Ничего, кроме старого дуба на прибрежном холме.

— Такого бедного жилья не припомню, у меня все в хороших каменных домах жили, — не без самодовольства добавил Гвидон и еще раз вздохнул.

— Я про корыто. — Салтан кивнул на посудину с изогнутой полумесяцем трещиной через все дно, похожей на издевательскую ухмылку. — Как у нас с тобой: вчера было все, а сегодня — ничего.

Гвидон скривился, потом сказал, уже не в первый раз:

— Может, нам это все снится?

— О, гляди! — с тревожной радостью перебил его отец. — Вон хозяин. Бог помочь, старче!

Из-за угла избушки показался старик с белой бородой ниже колен. Ветер с моря задул сильнее, борода заколебалась, будто морская пена. Салтан моргнул: зарябило в глазах, показалось, что сама фигура старика пошла рябью.

Завидев гостей, старик остановился и опустил наземь деревянное ведро с рыбой, тоже не новое. Гвидон метнул заинтересованный взгляд: кто там плещет хвостом? Было уже за полдень, от вчерашнего пира горой осталась только головная боль, живот подводило, а поварня со всеми припасами исчезла заодно с палатами и городом. Хоть заново шнурок с крестанательного снимай и делай новый лук — да только дичины не видно, одни чайки орут, издеваются.

— И вам, добры молодцы!

Старик поклонился, потом выпрямился и оглядел царя и князя. Перед ним стояли два красивых молодца, оба лет двадцати, одного роста. Трудно было угадать в них отца и сына — не только из-за того чуда, что они на вид одних лет. Требовалось приглядеться, чтобы увидеть сходство в чертах продолговатых, высоколобых лиц. Салтан, с темными волосами и такой же бородкой, имел чуть более крупные черты, а смуглая кожа, угольные блестящие брови и разрез темно-карих глаз наме-

кали на предков-степняков. Яркие губы были сложены так, словно в них всегда таилась легкая уверенная улыбка, под падающими на широкие плечи чуть волнистыми волосами блестела золотая серьга в левом ухе. Гвидон же рядом с ним был словно день подле ночи: белолицый, с более тонкими миловидными чертами и слегка курносый носом, с шелковистыми светло-русыми волосами. Особенно притягивали взгляд ярко-синие глаза под бровями чуть темнее волос — наследство матери-царицы. От этих ее глаз Салтан, восемнадцатилетний жених, лишился рассудка в тот темный святочный вечер, когда подслушал у оконца разговор между тремя сестрами. Взглянул в синие, словно зимние звезды, глаза Елены Диевны, младшей, и решил: «Только она царицей моей будет, и никто другой!» И плевать, что в Святки не венчают. Уломать патриарха было трудно, но Салтан оказался упрямее: пригрозил вокруг дуба старого обвенчаться, если будут ему препоны чинить.

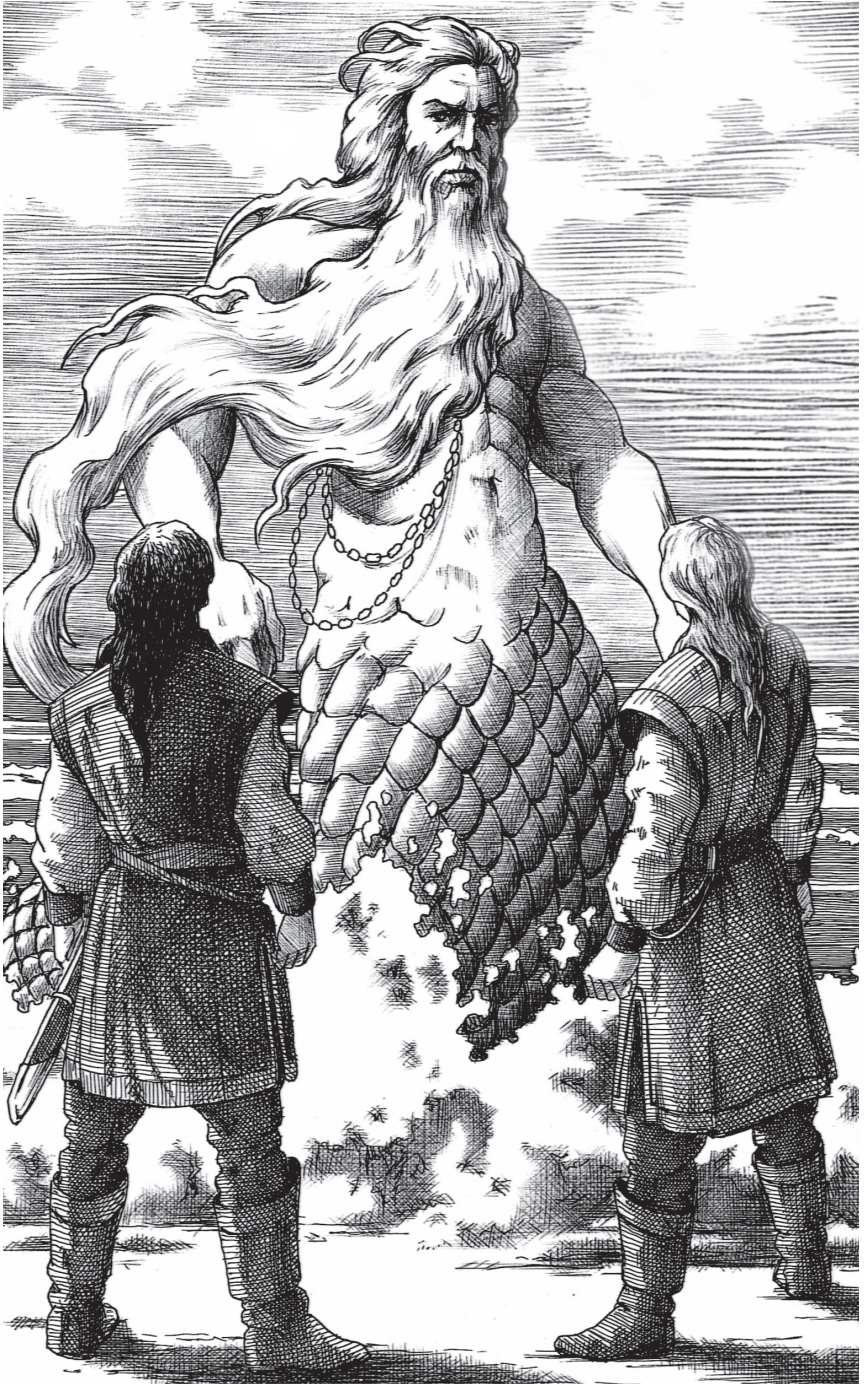
И когда он, только вчера, впервые увидел лицо своего сына, эти же синие глаза поразили его заново. Неведома зверушка, ему говорили! А оказался рослый парень, ловкий охотник и меткий стрелок, красотой похожий на мать, на вид — ровесник собственного отца...

— Помоги нам, дедушка! — первым заговорил Гвидон. Все-таки он был здесь хозяином, а отец — гостем, ему и разбираться, что за злое чудо оставило их на пустом берегу. — Здесь вчера целый город был, а нынче нет ничего, один дуб да твоя избушка. Ты царевну Кикниду не видел? Жену мою?

— Как же ты уцелел, старинушка? — добавил Салтан. — Видно, крепко твоя изба к земле пристроена, раз все унесло, а ее нет.

— Истину молвишь, Салтан. — Старик засмеялся, показывая на удивление крепкие белые зубы без единого промежутка. — Прочно моя избешка стоит... да только не на берегу, а на самом дне морском, а там, внизу, ничья иная сила не в счет, кроме моей.

— Это как? — не понял Гвидон. — Вот же она...

«Да неужели и мы сами — на дне морском», — мелькнула жуткая мысль. Ничему бы он уже не удивился после таких злых чудес.

— Ты меня знаешь, старче? — Салтан насторожился. — Ты разве... из моего царства?

— Я-то из другого царства, — усмехнулся старик. — Не узнал ты меня, Салтанушка... Да и не мудрено.

Старик распрямил согнутую спину... и снова зарябило в глазах. Старик выпрямлялся и выпрямлялся, делался все выше и выше... больше и больше... И вот он уже и не старик вовсе, а некто... Великан нечеловеческой красоты и мощи.

Перед отцом и сыном оказался мужчина втрое выше человеческого роста. Да куда там втрое: чем дольше они на него смотрели, пытаясь понять, что видят, тем огромнее он казался. От прежнего старца остались только длинная белая борода и такие же белые длинные волосы, они буйно вились по ветру, который из них самих же и рождался. Могучее сложение, широченная грудь, мощные мышцы плеч и рук, не прикрытые никакой одеждой. Кожа его была голубовато-серого цвета, в бороде и волосах запутались ракушки и трава морская. Шею и грудь обвивало множество перепутанных золотых цепей разных толщины и рисунка. Иссиня-черные глаза под белыми бровями так сверкали, что Салтан и Гвидон разом опустили головы, не в силах смотреть великану в лицо.

И вот тут заметили главное его отличие от людей. На животе голубовато-серая кожа переходила в синевато-серую чешую, отливавшую золотом, а вместо ног великан стоял на мощном змеином хвосте толщиной с хорошее дерево. Конец хвоста уходил в мелкие морские волны и там шевелился, производя брызги и волнение.

— Ну а теперь узнаешь меня, Салтанушка? — проговорил великан, и в низком голосе его ревели волны, растревоженные ветрами бури.

— П-понтарх... — выдохнул потрясенный Салтан.

— Признал! — ухмыльнулся Царь Морской.

Порыв ветра от его дыхания сбил у Гвидона с головы щегольскую шапку-кораблик, но тот даже не заметил, вытаращенными глазами рассматривая владыку синего моря.

— Да как же тебя, владыка морской, забыть можно! — вырвалось у Салтана.

...Три года назад юный царь охотился в бору прибрежном и погнал редкостную дичь — белого оленя. Мчался за ним, не разбирая дороги. Давно стихли позади лай собак и звуки охотничьих рожков, ни у кого из свиты не нашлось такого коня, чтобы угнаться за царским, но Салтан и не заметил, что остался с чудным зверем один на один. Несколько раз пускал он стрелы прямо с седла, но ветки сбивали их полет. И вот впереди открылось море синее. Белой молнией промчавшись по песку меж сосен, олень бросился с обрыва в волны — Салтан едва успел отвернуть коня, чтобы не слететь вслед за ним.

«Эх, незадача! — задыхаясь после скачки, вымолвил он. И закричал: — Ну так пусть берет тебя сам Царь Морской!»

И вдруг... Вдали над синей гладью взмыла огромная волна, а когда опала, Салтан увидел великана с голубовато-серой кожей, с золотыми цепями на мощной груди, с вьющимися по ветру белыми волосами.

«За дар благодарю! — прогремел над морем голос, схожий с ревом бури. — Много коней разных в моих угодьях, а рогатого коня впервые вижу! Услуги не забуду тебе, царь Салтан! Будет случай — отплачу».

Подтверждая его слова, прыгали меж волн морские кони — покрытые серебристой чешуей, словно рыбы, с длинным плавником вместо гривы, с перепончатыми лапами вместо передних копыт, с длинным хвостом вместо задних ног. И были они перед господином своим малы, словно мыши.

Морской Царь откинулся назад своим исполинским телом — и пропал, только брызги взлетели к небесам. Мелькнул в волнах хвост последнего из морских коней, и море синее снова сделалось гладким. Салтан поворотил коня и поехал на-

зад в бор искать своих ловцов — и сам не уверенный, что не ветер морской сыграл с ним шутку...

И вот привелось им снова встретиться — наутро после пира в тот день, когда Салтан обрел сына, а сын потерял всю свою державу, сам не зная как.

— Я-то тебя тоже не забывал, — пророкотал Понтарх. — Помогал чем мог. Позвал сынок твой на помощь из той бочки — я дочерей послал, чтобы бочку на остров вынесли. Город ему подарил, чтобы было где жить и чем править: царский сын все же, негоже ему без владений. О чем просили меня — все давал вам, даже сыновей своих посылал в дозор, да...

Понтарх не договорил — глубоко вдохнул, широкая грудь раздулась, словно парус большого корабля, ветер заревел сильнее, злее.

— Обманули меня... — с глухой яростью продолжал он. — Провели! Я тебе, Гвидон Салтанович, город большой и все чудеса его дарил по первой твоей просьбе — отцу твоему отдаривался. А видишь, иные нашлись для того добра хозяева. Хитростью тебя заставляли тех чудес желать, а меня дарить. Да не тому мой дар пришелся, кому назначался.

— Какие хозяева? — Мало что понимая, Гвидон сделал пару шагов к Понтарху. От мощного встречного ветра его шатало. — Где мой город? Где жена моя, царевна Кикнида? Ты знаешь? Ответ! Она — твоя дочь, да? Коли те витязи морские были твои сыновья...

— Витязи — сыновья. А Кикнида-Лебедь мне не дочь. — Понтарх покачал головой, из его белой гривы посыпались дождем соленые капли, заскакала бешено по песку мелкая живая рыбешка. — Иные у нее родители. Где она теперь, где витает — мать ее ведает, не я. Одно знаю: где она, там и город твой. Она моих даров просила — она им и госпожа теперь. В разлуке вашей не вини меня: не того я желал.

— Кто ее мать? Где она?

— Дорогу укажу. Возвращайся, Салтан, к кораблю своему. Пришлю тебе провожатых. А там, где живет Медоуса-

Стражница, уж моей власти нет, там ничем не помогу тебе.
Бывай здоров!

Не успел Салтан ответить, как великан исчез — лишь взметнулась на том месте, где он стоял, огромная волна, обрушилась на берег и на двоих мужчин перед избушкой. Оба зажмурились, согнулись, принимая на головы и спины поток соленой воды, не слыша ничего, кроме грохота волн. А когда открыли глаза, мокрыми ладонями стирая с лиц морскую воду, на берегу было совершенно пусто. Огромная волна катилась от берега в синюю даль, а избушки больше не было. Исчезли и сети, и сушилки из жердей, и лодка, и даже разбитое корыто. Языки волн начисто слизали с песка следы своего могучего владыки.

Проморгавшись и проводив глазами волну, что стремительно таяла вдали, Салтан огляделся. И увидел: кое-что все же осталось. Деревянное ведро стояло там, где его поставили, и в нем кишмя кишела серебряными радужными спинками свежая морская рыба.

— Гляди, Гвидоша! — окликнул Салтан. — С голоду не помрем. Спасибо тебе, Понта-а-а-арх! — во всю мочь закричал он в море, приставив ладони ко рту.

Где-то вдали взметнулась ввысь волна — словно махнула исполинская рука.

ГЛАВА 2

Царица Елена сидела в бочке, положенной на бок. Только эта бочка, всеми забытая, и осталась на том же месте, куда ее когда-то вынесло волной. Лишь в ней царица и могла теперь спрятаться от морского ветра. Глядя, будто из норы, на игру волн, лижущих желтые пески, на игру пены меж бурых камней, думала: не сном ли было ее недолгое владычество над белокаменным городом Лебедином? Может, она задремала, пока сын ее отправился искать дичины, сделав себе лук из дубовой ветки и шелкового шнура от нательного креста? А остров каким был, голым и пустынным, таким и остался? Весь этот город, все его чудеса, приезд мужа, пир по случаю воссоединения семьи — все было сном?

А как весела она была вчера — считала, что это ее второй свадебный пир, куда лучше первого. Салтана она не видела два года; он возмужал и стал еще красивее, чем в тот странный темный вечер, когда взгляд его тепло блестящих карих глаз из-под изломленных, будто крыло хищной птицы, соболиных бровей поразил ее молнией. О запрете венчаться на Святках он и думать не хотел, а она махнула рукой: раз уж они с сестрами нарушили запрет прясть на Святках и тем заманили в дом самого государя молодого, теряться было уж некстати, оставалось ловить свое счастье навороженное. Прожили они недолго: Салтан ушел на войну, даже не узнав, что царица в ожидании. А какое у него лицо было вчера, когда он увидел разом ее —

почти не изменившуюся, а рядом с ней — взрослого парня, который мог бы быть ее страшим братом, а оказался их общим сыном. В тот вечер ей было шестнадцать, теперь восемнадцать, а Гвидон выглядел на пару лет старше ее.

Пир устроили такой, какого и в Салтановой столице не видали. Гвидон, стремясь похвастаться перед едва знакомым родителем всеми чудесами своей державы на острове, не знал удержу. «Белка, жги!» — кричал он, когда все уже были во хмелю.

Белка — та самая, из теремка под елью — рыжей молнией вспрыгнула на бочку посреди палаты. Прямо в полете на зверушке образовались красный сарафан и беленький платочек. Встав на задние лапы, она уперла переднюю лапку в бок, притопнула и пошла по кругу под наигрыш балалаек и рожков. Сперва неспешно, красуясь и помахивая платочком, выступала величаво и притом задорно. Запела сильным, звонким девичьим голосом:

— Во саду ли, в огороде
Девуца гуляла,
Невеличка, круглоличка,
Румяное личико.

За ней ходит, за ней бродит
Удалой молодчик.
Он ей носит, он ей дарит
Дороги подарки.

Если любишь, так и купишь
Золото колечко,
Золото твое колечко,
Я прижму к сердечку....

Наигрыш убыстрялся, вступили ложки и бубны, и пляска белки ускорилась, зверушка завертелась, играя плечами, притоптывая, взмахивая платочком над головой. Сотни гостей

в богатой палате есть и пить перестали, замороженные дивным танцем, — вскочили на ноги, хлопали, подсвистывали. Никто не мог оторвать глаз от дивной плясуньи, а белка вертелась все быстрее и быстрее, подскакивала, крутилась колесом в воздухе. Быстрота ее движений создавала над бочкой круг золотого света, уже нельзя было рассмотреть, что там мелькает, в этом кругу; мерещились то зверек, а то женская фигура, и пышный рыжий хвост превращался в волну золотисто-рыжих волос, мелькающие лапы — в обнаженные руки и ноги, и уже казалось, что крохотная девка неистово пляшет внутри золотого кольца, парящего в воздухе. Потом и всякое сходство с живым существом исчезло, над бочкой играл в воздухе сгусток пламени, из самого себя производя лихой безудержный наигрыш...

И вдруг будто белая птица метнулась через палату — на середине вылетела невестка, царевна Кикнида. Они с Гвидоном были красивой парой: он — будто солнце золотое, она, с ее черными косами, — будто ясная звездная ночь. Темные глаза и брови, смугловатая кожа, точеные черты — Кикнида была так прекрасна, что у всякого, кто ее видел, захватывало дух. И такими тайнами веяло от ее непроницаемого лица, что Елена перед ней робела; в их чудной семье, где восемнадцатилетняя мать выглядела чуть моложе своего сына, Кикнида казалась самой старшей.

Музыка, на миг притихшая будто от изумления, заиграла снова — и Кикнида начала плясать. Совсем иначе: разудалый наигрыш балалайки сменился плавным перезвоном гусельных струн, словно ветры играли невидимыми пальцами на солнечных лучах и морских течениях, меж которыми свободно парила Царевна Лебедь.

Золотых колец не надо,
Парчу не хочу я.
На торгу пойду куплю я
Пахучия мяты.

Посажу я мяты
Возле своей хаты.
Не топчи ты, кудреватый,
Пахучия мяты.

Не тебе я их сажала,
Да и поливала.
Для того я поливала,
Кого обнимала,
Кого обнимала,
К сердцу прижимала...

Словно лебедь по тихой воде, Кикнида скользила вокруг бочки, поводя длинными широкими рукавами белого с серебром платья, и будто волна морская вздымалась все выше и выше: то душа взлетала, восхищенная ее красотой. Каждое движение ее рук, плеч, царственно-гордой головы вело особое сказание, очи метали пламя из-под черных стрел ресниц. Куда подевалась белка, никто не заметил, да никто уже и не помнил о ней. Широкие рукава взлетали и опадали пеной на морских валах, пролетала черной молнией длинная, до пят, коса. А во лбу царевны засияла звезда — все ярче и ярче, так что скоро уже нельзя было на нее смотреть: больно глазам...

Когда Салтана под руки вводили в опочивальню, он все еще вспоминал этот танец, изумленно покачивая головой.

— А знаешь... — Уже у дверей он обернулся к сыну, который, в расстегнутом кафтане, с прилипшими ко лбу светлыми кудрями, провожал родителя на покой. — Это ничего, что она — лебедь. Один мой дед — а твой, стало быть, прадед — на лягушке был женат, и ничего...

— Ладно, батя, отдыхай! — Гвидон, тоже вполпьяна, со смехом похлопал родителя по плечу. — Лучше моей лебеди и за морями нет...

Сперва он был потрясен встречей с отцом, но быстро разглядел, что тот выглядит не старше, а себя самого считал более

любимым судьбой и удачливым. Елена тогда еще подумала, что надо будет поучить сыночка почтительности к отцу. Хоть они и выглядят ровесниками, однако Салтан на самом деле прожил на свете двадцать лет, с семи лет остался один на царском троне, правил державой, воевал с врагами — а сынок его прожил лишь год и ничего, кроме своего острова, не видел. Да и все чудеса города белокаменного вплоть до белки-плясуньи ему были подарены невестой-чародейкой.

«Как-то мы все уживемся», — не без тревоги думала Елена, укладывая мужа на пуховую перину. Не понравилось ей, как Кикнида поглядывала на новоявленного свекра-батюшку: снисходительно, как на деревенщину. А Гвидон во всем за нею следует — не научит она его уважению к отцу... «Или пусть живут как знают», — мысленно одернула себя Елена. Остров — их владение, Салтану с женой скоро к себе домой возвращаться. А Салтан... Если посчитать, они были знакомы с ним недели две или три — от того святочного вечера и до его ухода на войну с королем Зензевеем. И сейчас, впервые после разлуки оставшись с венчанным мужем наедине, Елена ощущала почти то же волнение, что и девица-невеста.

И вот настало утро... Елена проснулась первой и обнаружила: лежит не на перине пуховой, а просто на траве, рядом с ней сопит во сне Салтан, в двух шагах — Гвидон. Солнце вставало из моря, и это море она видела до самого горизонта, и ничто не мешало взору: не было больше ни дворцовых палат белокаменных, ни города из множества строений, ни стен крепостных, ни церквей златоглавых, ни монастырей святых, ни лавок торговых. Пустой берег, как в тот день, когда бочку на этот остров вынесло.

Бочку они чуть позже и нашли — на прежнем месте. Хорошо, за год она не разломалась, а то и присесть было бы негде, кроме камня голого. А Кикниды, второй супруги в двух их парах, нигде видно не было. Сколько ни звал ее Гвидон — не появилась, не отозвалась. Ни человеческим голосом, ни лебединым.

Вон они идут. Две шагающие мужских фигуры Елена увидела издалека: один в красном кафтане с золотом, другой в голубом с серебром, сапоги нарядные, расшитые, волосы по ветру вьются. Вдвоем, как и уходили. Гвидон что-то несет в руке, не то ведро, не то лукошко. И только теперь, глядя, как эти двое, одного роста, но более ни в чем не схожие, плечом к плечу приближаются к ней, царица Елена поверила: ничто из этого ей не приснилось. На этом острове стоял Лебедин-град, где правил ее сын, но исчез, едва приехал ее муж. Будто нарочно подразнил, дал похвастаться — и растаял, ушел назад в те неведомые дали, откуда и появился.

— Никого не нашли? — крикнула Елена, уже видя по лицам, что ей хотят что-то рассказать.

— Мы видели Понтарха!

— Мать, смотри, рыба!

— Оказывается, это он дарил вам все эти чудеса — взамен на белого оленя, я его три года назад случайно в море загнал!

— Давайте сварим поскорее, жрать хочю, сил нет!

Встав на колени, Елена выползла из бочки; Салтан протянул ей руки и помог встать.

— Вы никого не нашли? — повторила Елена, держась за руки Салтана. — Кроме Понтарха? Ни Кикниды, ни сестер моих? Ни тетки Бабарихи?

— Никого. Ни одной собаки.

Оживленное лицо Гвидона снова омрачилось, Салтан молча покачал головой.

— Пойдемте к кораблю. — Салтан кивнул сыну на ведро с рыбой и потянул Елену за собой. — Там сварим. Корабельщикам моим тоже поесть надо. Хоть помалу, а на всех разделим.

Корабль с гребцами, на котором Салтан только вчера прибыл на остров, так и стоял в бухточке близ того места, где раньше был причал. Почему уцелел корабль — было ясно, он прибыл из Салтанова царства и не был подвластен загадочным силам, что унесли с острова Лебедин-град. Но почему исчезли обе сестры Елены и баба Бабариха — это было непонятно. Елена

и думала, что те три тоже где-то здесь, может, забились в расщелину какую со страху. Но увы: встреча с Понтархом оказалась единственной.

Однако некое малое чудо и Понтарх подарил на прощание. Часть мореходов пошла собирать пла́вник вдоль полосы прибо́я, чтобы разжечь костер, оставшиеся стали чистить рыбу, бросая очищенную в большой корабельный котел, и в ведре она не иссякла, пока котел не наполнился. Салтан взялся за пояс, чтобы вынуть огниво и кремень, но Елена знаком остановила его и кивнула сыну.

— Сейчас, батя!

Гвидон присел возле костра, щелкнул пальцами — и от щелчка в кучу наломанных серых и белых от морской воды палок посыпались искры. Огонь сразу занялся, мореходы хором ахнули, а с ними и сам Салтан. И впервые за этот странный день на устах царицы Елены появилась улыбка.

— Где ты такому научился? — спросил изумленный Салтан. — От лебеди своей, что ли?

— Не учился я. Как-то само собой...

— Он многому не учился, а умеет, — добавила Елена. — Не я же, в бочке сидя, его выучила лук сделать и в птицу на лету попасть стрелой из простой тростинки. А он — сумел.

— Ловок ты, сынок! — Салтан похлопал Гвидона по плечу. — И знаете, что вам скажу? — Он обвел глазами людей вокруг костра, начав с жены и сына. — Пусть черт морс... пусть хоть змеи трехголовые возьмут тот город колдовской, а главное, что вас я нашел невредимыми. Царство у нас и без того есть, никуда не денется. Не для того его деда мои и прадеды строили, сил не жалея, рук не покладая, иной раз и голову слагая ради его блага. Легко пришло — легко ушло, знать, судьба. Поедем как домой лучше, в Деметрий-град. Довольно с нас чудес этих, будем жить, как люди живут. Еще троих сыновей родим, да, душенька? Какие наши годы — вся жизнь впереди.

Елена вздохнула и прислонилась головой к его плечу. Но Гвидон нахмурился:

— Нет, батя, так не пойдет. Вы с матушкой домой поезжайте, а я не могу. Моя-то жена куда исчезла?

Невольно он глянул в сторону дуба, к которому шел в тот первый день, когда увидел битву лебеди с черным коршуном. Все проследили за его взглядом, но больше крупных птиц над морем не было, одни чайки.

— Где город, там и она, так Понтарх сказал. И город мой мне жаль, а жену того пуще. Я буду ее искать.

Тень набежала на ясное, открытое, веселое лицо Гвидона. Он обладал немалыми умениями, не ведая, откуда они взялись, но жизненный опыт его насчитывал всего год. Он словно про-снулся уже взрослым человеком, ничего не помнящим о своем прошлом. Его и не было — этого прошлого. Все, что у него на самом деле было, — выстрел по коршуну, несколько встреч с лебедью, несколько полетов за море в виде комара или шмеля. Лебедь была ему и благодарной за спасение подругой, и мудрой наставницей, и любящей женой — была всей его собственной жизнью. Откажись он от нее, кем останется? Взрослым младенцем без гроша за душой?

— Поедим давай, а там видно будет. — Хмурясь, Салтан тронул его за локоть.

Как поверить, что этот парень, на вид твоих же лет, — твой сын! Но, видя его, к тому же попавшего в беду, Салтан себя самого порой ощущал вдвое старше собственных двадцати лет. До того Гвидону помогал Понтарх, но вот чудеса закончились, дальше надо заботиться о сыне ему, отцу. Но все случилось слишком быстро: еще вчера он не знал, что отец, а сегодня сын уже взрослый.

Но ладно бы — младенец! Кто в двадцать лет готов увидеть родного сына тоже двадцати лет? Выскочил, будто гриб из-под земли! Казалось бы, при стольких чудесах еще одно погоды не делает. Но чудо мгновенного взросления Гвидона было первым, и оно-то потянуло за собой остальные. Елена вчера рассказа-ла, что из бочки Гвидон вышел двенадцатилетним, а потом за каждый месяц возрастал на год, и к тому дню, когда услышал

о царевне, затмевающей красотой свет божий, уже был не моложе парней, кому пора жениться.

Рассевшись вокруг котла прямо на земле, принялись за еду. На корабле нашлись пшено и лук — добавить к морской рыбе, но приходилось припасы сберечь на обратный путь, пополнить было нечем. У каждого корабельщика имелась ложка, в сапоге или за пазухой, а царскому семейству одолжил простую липовую ложку кормчий Трофим. Одной на троих и ели, передавая друг другу.

Вздыхая, Гвидон невольно вспоминал вчерашний пир. Сколько всего наготовили дворцовые его повара, да и тетка Ироида расстаралась, желая заслужить прощение. И пироги-башни, и жаренные целиком поросята, бычки, барашки, жирные гуси в яблоках, утки с капустой, куры, начиненные кашей... Только не лебеди. Лебедей княжеским указом на острове запрещалось и стрелять, и есть. Где же она теперь, Кикнида? Чуть ли не на каждом вдохе Гвидон поднимал глаза и окидывал горизонт ищущим взглядом: не летит ли она, его любовь, на широких белых крыльях?

— Обманула нас тетка, — негромко сказала Елена, передав ложку Салтану.

— Обманула? В чем?

— Это ведь она нас трех научила в тот вечер за пряжу сесть. В Святки никакую работу не делают женскую: не ткут, не прядут, не вяжут, не шьют. Мы бы и не подумали. А она заявила к нам, как темнеть начало...

— Она — Бабариха?

— Ну да. Как мы без родителей втроем остались, она пришла, сказала, родственница наша дальняя, только мы до того ее и не знали. И от матери я ни разу не слышала о ней. Мы с сестрами и такой родне были рады. Она сказала: как стемнеет, засветите три лучины, беритесь за пряжу, прядите и свои самые заветные желания рассказывайте — все сбудется. Мы было боялись: как бы Пятницу Параскеву не разгневать. А тетка говорит: ничего не бойтесь, спрядете себе долю счастливую. Мы и по-

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1	3
Глава 2	11
Глава 3	22
Глава 4	32
Глава 5	46
Глава 6	64
Глава 7	75
Глава 8	85
Глава 9	99
Глава 10	113
Глава 11	127
Глава 12	140
Глава 13	152
Глава 14	166
Глава 15	174
Глава 16	183
Глава 17	194
Глава 18	199
Глава 19	215
Глава 20	226
Глава 21	241
Глава 22	251
Глава 23	261
Глава 24	269
Глава 25	279
Глава 26	289
Глава 27	296
Глава 28	303
Глава 29	313
Глава 30	321
Глава 31	332
Послесловие.....	342

16+

Литературно-художественное издание

Елизавета Дворецкая

БОГАТЫРЬ СЕНТЯБРЯ

Ответственный редактор А. Васько
Арт-директор Н. Джинчарадзе
Выпускающий редактор Г. Логвинова
Верстка: М. Курузьян

- RU** **Богатырь сентябрь.** Формат: 60x90/16. Тираж 3 000 экз. Заказ №
Издатель и изготовитель: ООО «Феникс». Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150. Тел./факс: (863) 261-89-65, 261-89-50.
Изготовлено в России. Дата изготовления: 01.2026. Срок годности не ограничен.
Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография» филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ».
Юридический адрес: 124498, Россия, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Старое Крюково, г. Зеленоград, пр-кт Георгиевский, д. 5, помещ. 8/1Т.
Фактический адрес: 432980, Россия, Ульяновская обл., г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.
- KZ** **Қыркүйек батыры.** Форматы: 60x90/16. Таралымы 3 000. Тапсырыс №
Баспагер және дайындаушы: «Феникс» ЖШҚ. Заңды және нақты мекенжайы: 344011, Ресей, Ростов обл., Дондағы Ростов қ., Варфоломеев к-сі, 150 үй. Тел./факс: (863) 261-89-65, 261-89-50.
Ресейде дайындалған. Дайындалған күні: 01.2026. Жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Басылды «Первая Образцовая типография» АҚ, «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ» филиалы.
Заңды мекенжайы: 124498, Ресей, Мәскеу Қ., Старое Крюково ішкі қалалық муниципалды округы, Зеленоград қ., Георгиевский даңғылы, 5 үй, 8/1Т үй-жай.
Нақты мекенжайы: 610033, Ресей, Ульяновск облысы, Ульяновск қ., Гончаров к-сі, 14.
- BY** **Волат верасня.** Фармат: 60x90/16. Тыраж 3 000. Заказ №
Выдавец і вытворца: ТАА «Феникс». Юр. і факт. адрас: 344011, Расія, Растоўская вобл., г. Растоў-на-Доне, вул. Варфаламеева, д. 150. Тэл./факс: (863) 261-89-65, 261-89-50.
Выраблена ў Расіі. Дата вырабу: 01.2026. Тэрмін прыдатнасці не абмежаваны.
Надрукавана ў АТ «Первая Образцовая типография» філіял «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ».
Юрыдычны адрас: 124498, Расія, г. Масква, вн. цёр. г. муниципальная акруга Старое Крюкова, г. Зеленаград, пр-кт Георгіеўска, д. 5, памяш. 8/1Т.
Фактычны адрас: 432980, Расія, Ульянаўская вобл., г. Ульянаўск, вул. Ганчарова, 14.